

На следующее утро Се Синьцзянь подписал контракт с администрацией и официально вошёл в съёмочную группу дорамы «Укрощение бури».

«Укрощение бури» представляло собой масштабную сянься-драму с фокусом на главной героине, роль которой исполняла Доу Чэнсюэ — обладательница престижнейших кинематографических и телевизионных премий. Ли Вэньсю же достался вовсе не главный герой и даже не второй мужской персонаж. Ему выпало играть главного злодея — безжалостного Владыку демонов, мечтающего испепелить весь мир, да так убедительно, что от одного его вида зарыдали бы даже самые смелые.

Завоевав в двадцать пять лет свою третью статуэтку за лучшую мужскую роль, Ли Вэньсю решительно отказался от привычного амплу благородных праведников. С тех пор он воплощал на экране исключительно подлецов и мерзавцев: всемогущего босса в сянься, плетущего интриги деспота в политических драмах, неоднозначного преступника в криминальных триллерах... На первый взгляд, подобные типы едва ли могли вызвать симпатию у публики, однако Ли Вэньсю умудрялся превращать каждого из них в культовый образ.

Вейбо пестрил нарезками с его наиболее зловещими перевоплощениями. И чем отвратительнее вёл себя персонаж, тем в больший восторг приходили зрители, ликуя, когда в финале тот навлекал на себя самую лютую кару.

Се Синьцзянь и сам обожал Ли Вэньсю в образе злодея. В его игре сквозила хищная, с оттенком безумия агрессия, захватывавшая всё внимание с первого же мгновения.

Взять хотя бы Повелителя демонов из нынешнего проекта: тварь безжалостная, лишённая всего человеческого, абсолютное воплощение зла. Вот только сценаристы снабдили его при первом появлении таким изяществом, статностью и сокрушительной мощью, что заставили команду главных героев долго питать иллюзии, надеясь наставить монстра на путь истинный.

Всё рухнуло, когда Повелитель демонов с особым цинизмом пытал и зверски убил младшего шиди из клана главной героини. Именно гибель этого ключевого персонажа привела к окончательному и бесповоротному разрыву.

И играть этого самого шиди предстояло Се Синьцзяню. Доверчивый, чистый душой, непреклонный перед лицом смерти — прямая противоположность демону, абсолютное добро. И пусть экранного времени у парня набралось бы всего ничего, персонаж выходил ярким и вызывающим сопереживание. Не случись скандала с прошлым актёром, подобная роль никогда бы не досталась Синьцзяню.

Впрочем, в первый день съёмок парня работой не загружали — режиссёр велел для начала вчитаться в текст.

Пристроившись на раскладном табурете, Синьцзянь то штудировал сценарий, то с любопытством наблюдал за суетой группы. На нём была обычная чёрная кепка да неприметный спортивный костюм, но безупречные черты лица и осанка выдавали в нём

артиста — никто бы не принял его за рядового осветителя или помощника.

Сценарий его персонажа оказался тоненьким, в пару десятков страниц. Обладая почти феноменальной памятью, Синьцзянь расправился с ним мгновенно, запомнив свои реплики до последнего слова.

Освободившись от заучивания ролей, он перевёл взгляд на площадку.

Сюжет подошёл к той части, где Повелитель демонов окончательно сбросил маску. Ли Вэньсю стоял под объективами в мрачном гриме: расправленные плечи, величавая осанка, а во всём облике — густая, чарующая тьма, совершенно затмившая исполнителя главной мужской роли.

Синьцзянь замер, поражённый. Неудивительно, что публика без ума от его отрицательных персонажей — этот мужчина играл с нечеловеческим магнетизмом.

И вдруг, будто почувствовав чужой взгляд, Ли Вэньсю резко повернул голову в его сторону.

У Синьцзяня перехватило дыхание.

Однако парень быстро опомнился: шла съёмка, и Вэньсю едва ли стал бы разглядывать его через всю площадку. И верно — старший коллега смотрел на главного героя, очутившегося на одной линии с Синьцзянем, отчего и возникла эта иллюзия.

Съёмка продолжалась, но вскоре режиссёр выкрикнул:

— Стоп! Снято!

— Простите, это моя вина, — подбежал с извинениями молодой исполнитель главной роли, выглядевший донельзя расстроенным.

Парень попал в проект из айдол-шоу: популярен — не отнять, но актёрским талантом не блещет. Рядом с Доу Чэнсюэ он ещё держался, но против Ли Вэньсю не тянул вовсе.

Режиссёр, прекрасно всё понимая, мягко успокоил его:

— В кадре с Учителем Ли любой поблётнет. Тебе пока не хватает опыта, давай в следующем дубле добавим больше экспрессии.

— Спасибо, режиссёр, я понял! — кивнул юноша и, выслушав пару советов от преподавателя по актёрскому мастерству, вернулся на позицию.

Съёмки возобновились, но Синьцзянь потерял к ним интерес. Прижав сценарий к груди, он откинулся на спинку и стал представлять их совместные сцены.

Сцен с его участием набралось от силы десятка два: в первой половине — беспечное ученичество в светлом клане, во второй — жестокие истязания в застенках Владыки демонов. Персонаж выходил плосковатым, без особых глубин — чистый контраст: чем мучительнее гибель героя, тем чудовищнее выглядит злодей и тем сильнее ярость зрителей.

Их взаимодействие с Вэньсю строилось по единой схеме:

Допрос — отказ — пытка;

Повторный допрос — снова отказ — ещё более жестокая пытка;

Финальный допрос — непреклонность — смерть.

Прокрутив в голове эту цепочку, Синьцзянь поморщился: сплошные неприятные ассоциации. В итоге он просто выкинул эти мысли из головы.

Лишь на третий день второй режиссёр приступил к съёмкам его блока.

— Так это ты мой новый младший шиди?

Синьцзянь сидел в общей гримёрке, когда над его головой раздался женский голос. Подняв взгляд, он увидел Доу Чэнсюэ. Актриса, судя по всему, только приехала и не успела наложить грим, благодаря чему Синьцзянь заметил на её шее — от самой челюсти и ниже — багровый, рваный шрам, похожий на след от тяжелейшей операции.

«Ранена?» — парень на миг опешил.

Но странное дело: ни окружающие, ни сама Доу Чэнсюэ не обращали на это никакого внимания.

— Что-то не так? — изогнула бровь актриса.

Синьцзянь вовремя опомнился. Это явно был след от применения какой-то сверхспособности, просто он привык видеть подобное слишком часто и чуть не перепутал с обычной жизнью.

Скрывая неловкость, он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Вам очень идёт этот цвет помады.

Доу Чэнсюэ просияла:

— А я ведь ещё даже не красилась! Это мой родной цвет губ.

Синьцзянь лишь неопределённо кивнул, не зная, что ещё добавить.

Актриса велела ассистентке угостить всех чаем с тапиокой и довольная ушла в свою персональную гримёрку. Потягивая сладкий напиток, Синьцзянь чувствовал, как с сердца спадает напряжение. Похоже, здешний коллектив куда дружелюбнее, чем он опасался...

Настал черёд костюма и причёски. Когда образ был полностью завершён, стилист отшагнул назад и ахнул:

— Вот это да! Красавец!

Синьцзянь взглянул в зеркало и сухо буркнул:

— Угу.

Стилист опешил:

— Ну что ты такой суровый? Улыбнись хотя бы!

Синьцзянь дёрнул уголком губ. Отражение ответило такой натянутой и фальшивой ухмылкой, какой не увидишь и у восковых фигур.

Стилист онемел, с тревогой подумав:

«Он что, и в кадре будет таким же деревянным? Какая безумная растрата такой внешности!»

Помощник режиссёра испытывал те же сомнения. Новичок выглядел потрясающе, вот только его аура совершенно не вязалась с персонажем. Гу Цинсин по первоисточнику был самым младшим в клане — жизнерадостным, светлым юношей, которого любили абсолютно все. В романе его сравнивали с молодым бамбуком и солнечным светом, описывая как обладателя «лучезарной улыбки» и «глаз, в которых отражался весь млечный путь» — настоящий любимец судьбы, ходячее солнце.

Синьцзянь же, при всей своей красоте, производил совсем иное впечатление. Холодный, дерзкий взгляд, заносчивая осанка — скорее школьный хулиган, поджидающий жертв у ворот, от которого правильные ученики держатся подальше.

Впрочем, кем бы он ни казался, протеже Ли Вэньсю пришлось выпускать на площадку как есть.

Вскоре в кадре появилась и Доу Чэнсюэ в полном облачении. Заметив Синьцяня, она тепло улыбнулась:

— Сяо Синьсинь, пройтись по сцене перед записью?

Синьцянь, не привыкший к такому бесхитростному радушию, смущённо качнул головой:

— Как хотите.

Помощник режиссёра судорожно вздохнул.

Поняв, что прозвучало это слишком сухо, Синьцянь поспешил исправиться:

— То есть я готов. Как вам удобнее.

Скажи эти слова другой человек — вышло бы кротко и вежливо. Но из уст Синьцяня фраза прозвучала едва ли не как скрытая угроза. Впрочем, Доу Чэнсюэ лишь добродушно рассмеялась:

— Тогда давай разок прорепетируем.

— Хорошо.

Декорации были готовы, операторы завершали замеры света. Синьцянь стоял в стороне, скрестив руки на груди. В отличие от других актёров, судорожно перечитывавших текст, он просто замер на месте со слегка нахмуренными бровями. То ли злился, то ли погрузился в свои мысли — и от этой задумчивости его «бандитский» вид становился ещё очевиднее.

Помощник режиссёра уже готов был впасть в отчаяние.

И тут с соседней площадки подошли двое. Возглавлял их Ли Вэньсю в роскошных, многослойных одеяниях — он только что закончил свой дубль.

В то же мгновение угрюмое лицо Синьцяня озарилось такой светлой, искренней улыбкой, перед которой померкли даже студийные софиты. С его безупречной внешностью эта открытая радость преобразила его полностью — перед ними стоял живой, сошедший со страниц романа Гу Цинсин.

Помощник режиссёра чуть не подпрыгнул от восторга:

— Да-да! Именно так! Запомни это состояние, держи его!

Словно ученик, пойманный за витанием в облаках, Синьцзянь моментально сбросил улыбку и вернул себе ледяное выражение лица:

— Какое состояние?

Помощник режиссёра поперхнулся.

— Свет готов?! Снимаем! — рявкнул он, опасаясь, что актёр окончательно выйдет из образа, и сразу запустил камеру без всяких репетиций.

Однако то, что произошло дальше, превзошло все ожидания.

Перед камерой Синьцзянь преобразился до неузнаваемости. Его Гу Цинсин выходил наивным, но вовсе не глупым, живым, но без лишней назойливости. Он улыбался так сладко и послушно, словно крошечный пушистый ягнёнок, излучая такое обаяние, что вся съёмочная группа влюбилась в него без памяти.

Сцену, на которую закладывали час, Синьцзянь закрыл с первого дубля за какие-то пятнадцать минут. Следующий эпизод прошёл столь же безупречно. Случился лишь один затык, да и тот по вине партнёра по кадру — сам Синьцзянь сыграл идеально.

Когда две сцены были сняты, на площадке воцарилась изумлённая тишина.

Услышав оклик режиссёра, Синьцзянь с лёгким трепетом направился к мониторам. Хотя он и чувствовал, что выложился на сто процентов, актёрская игра — вещь субъективная.

Задумавшись, он даже не заметил, как замедлил шаг, проходя мимо Ли Вэньсю.

— Поздравляю. Сыграно отлично, — прозвучал бархатный, низкий голос.

Синьцзянь вскинул голову, в его глазах вспыхнул огонёк:

— Правда?

— Я уже жду с нетерпением наших совместных сцен, — добавил Вэньсю.

Парень сжал пальцы в ладонях и тихо, но истово пообещал:

— Я буду стараться, чтобы соответствовать вам.

«Соответствовать вам...»?

Опомнившись, что фраза звучит как-то двусмысленно, Синьцянь тут же поспешно добавил:

— В смысле... соответствовать вашей игре.

— Хм? — Ли Вэньсю усмехнулся. — А о чём ещё ты мог подумать?

— Ни о чём! — Синьцянь отвернулся, чеканя слова холодным тоном, хотя кончики его ушей предательски пылали.

<http://bllate.org/book/19727/1945774>